

Франко-российский центр
гуманитарных
и общественных наук

Centre franco-russe
de recherche en sciences
humaines et sociales
de Moscou

Германский исторический
институт

Deutsches Historisches
Institut Moskau

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ ЧУВСТВ:

Подходы к культурной истории эмоций

Под редакцией

Яна Плампера, Шаммы Шахадат и Марка Эли

Москва

Новое литературное обозрение

2010

Ольга Глаголева

ОСКОРБЛЕННАЯ ДОБРОДЕТЕЛЬ: БЕСЧЕСТЬЕ И ОБИДА В ЭМОЦИОНАЛЬНОМ МИРЕ РУССКОЙ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ДВОРЯНКИ XVIII ВЕКА¹

24 августа 1764 года орловская помещица Ульяна Псищева подала в воеводскую канцелярию г. Карачева Орловской провинции жалобу на двоюродного брата своего мужа, который, по утверждению пострадавшей, обесчестил ее. Современный читатель скорее всего предположит, что женщина подверглась изнасилованию, и будет неправ. Хотя изнасилование было довольно распространенным способом «бесчестия» женщины², в этом случае дело обстояло совсем иначе. Как следовало из челобитной Ульяны, акт «бесчестия» произошел за неделю до того, теплым летним вечером, когда она с мужем Даниилой была в гостях у дальнего родственника, где собрались и другие представители местного дворянского общества. Приятное времяпрепровождение было прервано ссорой двоюродных братьев, Даниилы и Василия Псищевых, во время которой Василий пытался спровоцировать драку, а Данила старательно от нее уклонялся. В результате Василий, согласно показаниям Ульяны, «по ненависти его» к ее мужу Даниле и к ней, вышел из дома и, «поймав случившегося на дворе... немалою живого поросянка», бросил им в Ульяну, сидевшую в доме у открытого окна. Этим действием он «при всей компании ее обесчестил». Ульяна

¹ Настоящая статья является частью моего проекта Woman's Honour, or The Story with a Pig: Every day Life of Noblewomen in the Eighteenth-century Russian Provinces (готовится к печати). Исследование осуществлялось при финансовой поддержке School of Graduate Studies, University of Toronto. Проект получил награду 2007 г. Американского общества по изучению XVIII в. — Énolie Du Châtelet Award for Independent Scholar ship.

² E. Levin, *Sex and Society in the World of the Orthodox Slavs, 900—1700*, Ithaca: Cornell UP, 1989; D. Kaiser, «“He Said, She Said”: Rape and Gender Discourse in Early Modern Russia», *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 3:2 (2002).

просила власти о защите ее чести и о «показании» ей, «обиженной», «законного удовольствия». Разбирательство затянулось почти на 30 лет и так ничем и не закончилось: дело было закрыто в 1792 году по просьбе невестки Ульяны, снявшей все претензии³. К этому моменту ни «обесчещенной» Ульяны, ни ее обидчика Василия уже не было в живых. Оскорбление осталось безнаказанным, а честь женщины — неотмщенной.

Историки, изучающие повседневное поведение людей в Европе Нового времени, выделяют понятие чести как основу морального кодекса, определявшего все стороны взаимоотношений как внутри локальных сообществ, так и между человеком и государством. Честь, с ее высоким эмоциональным зарядом, обеспечивала репутацию человека и его социальный статус, а бесчестье часто сравнивалось со смертью⁴. В России, являвшейся в этом отношении частью пан-европейского мира еще в допетровские времена, существовали правовые механизмы защиты чести, и женщины нередко выигрывали такого рода судебные процессы⁵. Почему же Ульяна Псищева не преуспела в защите чести во времена Екатерины II, когда, как принято считать, положение женщины в обществе значительно улучшилось? Почему удар поросенком так ее обидел, что она боролась за восстановление своей чести всю оставшуюся жизнь? И, наконец, что означали понятия «честь» и «бесчестье» в эмоциональном мире человека XVIII века?

Для ответа на эти вопросы я использую, наряду с традиционными методами исторического исследования, методы микроистории и исторической антропологии. Я попытаюсь представить ситуации, в которых в XVIII веке проявлялись такие чувства, как ненависть, обида, стыд; прояснить причины этих реакций человека, а также способы, которыми общество регламентировало его эмоциональный опыт, и, наконец, проследить изменения в эмоциональном поведении провинциального дворянства на протяжении XVIII века. Иными словами, я ставлю целью реконструировать эмоциональную жизнь русского провинциального дворянства XVIII века в ее социокультурном контексте и динамике.

³ Государственный архив Орловской области (далее ГАОО). Ф. 19. Оп. 1. Д. 3.

⁴ A. Farge, «The Honor and Secrecy of Families», *A History of Private Life*, ed. Ph. Ariès, George Duby, vol. III: *Passions of the Renaissance*, ed. R. Chartier, tr. A. Goldhammer, Cambridge, Mass.: The Belknap Press of Harvard UP, 1989; L. Pollock, «Honor, Gender, and Reconciliation in Elite Culture, 1570–1700», *Journal of British Studies* 46 (2007).

⁵ Н. Коллманн, *Соединенные честью. Государство и общество в России раннего нового времени*, пер. А. Каменского, М.: Древлехранилище, 2001.

Безусловно, рассуждения о чужих эмоциональных переживаниях, в особенности в отдаленную от нас эпоху, схематичны и не могут быть иными. Антропологический подход может оказаться здесь весьма полезным, так как он нацелен на выявление реакций конкретных людей в категориях определенной эпохи и локального сообщества⁶. «История с поросенком», рассмотренная в контексте «биографии семьи» Псищевых, их межличностных, родственных и социальных связей, статуса в местном дворянском обществе, а также реальных событий, описанных на языке эпохи, поможет нам проникнуть в сферу эмоций людей, так или иначе участвовавших в этой истории. При анализе эмоциональной жизни моих героев я различаю собственно эмоции и *эмоциологию* (emotionology)⁷: если эмоции — это физическое и психологическое переживание, возникающее как реакция на окружающую действительность, то эмоциология имеет дело с системой ценностей, относящихся к эмоциям и их выражению. Эти ценности навязываются индивиду через законы, культуру и традиции, то есть через общественные нормы, которым люди обязаны подчиняться и по которым они оценивают свое собственное и чужое поведение. При этом формулируемые нормами конструкции нередко расходятся как с эмоциональным опытом людей, зависящим от их физических, гендерных, психологических и прочих особенностей, так и с мотивацией их поведения в реальных жизненных обстоятельствах⁸.

Большинство исследователей едины в том, что физическая и психическая способность человека испытывать эмоции универсальна, и выделяют «базовые» эмоции, напрямую определяемые нервной системой человека, — страх, гнев, печаль, радость, ненависть и любовь⁹. Сегодня, однако, не подлежит сомнению, что социокультурные нормы влияют на эмоции в поведении отдельного человека не менее, чем его индивидуальные особенности, тоже в большой степени сформированные средой. Важно, что эмоции являются фактором самоанализа, который находится в центре отношений человека с самим собой и окружающим миром. Сравнение самооценки и отзыва окружающих на выстраиваемый челове-

⁶ P. Burke, *The Historical Anthropology of Early Modern Italy: Essays on Perception and Communication*, Cambridge, Eng.: Cambridge UP, 1987; R. Darnton, *The Great Cat Massacre and Other Episodes in French Cultural History*, N.Y.: Vintage, 1985.

⁷ P. Stearns with C. Stearns, «Emotionology: Clarifying the History of Emotions and Emotional Standards», *The American Historical Review* 90:4 (1985).

⁸ W. Reddy, «Against Constructionism: The Historical Ethnography of Emotions», *Current Anthropology* 38 (1997); Id., *The Navigation of Feeling*; Rosenwein, «Worrying about Emotions in History».

⁹ J. Turner, *Human Emotions. A Sociological Theory*, London, N.Y.: Routledge, 2007.

ком образ себя вызывает реакцию, выражаемую через эмоции: удовлетворение, радость и т.п. при их совпадении; гнев, горечь и т.п. при несовпадении. Благодаря этому эмоции выполняют функцию регулятора социальной жизни. По меткому выражению Дж. Тёрнера, «эмоции — это “клей”, скрепляющий общества, или динамит, взрывающий их»¹⁰.

Хотя за последние годы вышло много интересных работ по истории России XVIII века, наши представления об эмоциональном опыте человека той поры крайне ограничены и базируются в основном на узком круге мемуарных свидетельств и эпистолярных источников. В эмоциональном плане жизнь русских дворян XVIII века в их провинциальных поместьях нередко изображается полной тревогой и страхом, а в плане физических удобств и умственных интересов мало отличающейся от жизни их же крепостных¹¹. По мнению некоторых историков, такое положение порождало у русских дворян чувство ущербности, незащищенности по сравнению с более «передовым» Западом и даже вело к ощущению «неотмщенной обиды», ставшему основой национального самосознания¹². Если эти авторы правы в своих выводах, то не в этой ли «ущербности» коренится ненависть, взбудоражившая семейство Псищевых и приведшая к оскорблению женщины, навсегда запятнавшей ее честь?

Документы судебных разбирательств все чаще привлекают внимание историков как прекрасный источник по истории повседневности¹³. Понятно, что их применение для рассуждений об эмоциональной сфере дает ограниченные возможности, поскольку, являясь результатом конфликта, они освещают в основном негативные стороны человеческих отношений. Более того, судебный документ призван в силу самого своего жанра избегать эмоциональной окраски фиксируемых фактов. Однако дело Ульяны Псищевой,

¹⁰ J. Turner, «Emotions and Social Structure: Toward A General Sociological Theory», *Social Structure and Emotion*, ed. J. Clay-Warner, D. Robinson, San Diego: Academic Press, 2008, 319.

¹¹ M. Raeff, *Origins of the Russian Intelligentsia: the Eighteenth-century Nobility*. N.Y.: Harcourt, Brace & World, 1966; M. Confino, «À propos de la noblesse russe au XVIII siècle», *Annales* 22:6 (1967); P. Roosevelt, *Life on the Russian Country Estate. A Social and Cultural History*, New Haven, London: Yale UP, 1995, 157–191, 245; Th. Newlin, *The Voice in the Garden: Andrei Bolotov and the Anxieties of Russian Pastoral, 1738–1833*, Evanston, Ill.: Northwestern UP, 2001.

¹² L. Greenfeld, «The Formation of the Russian National Identity: The Role of Status Insecurity and Ressentiment», *Comparative Studies in Society and History* 32 (1990).

¹³ Коллманн, *Соединенные честью*; А. Каменский, *Повседневность русских городских обывателей: Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века*, М.: РГГУ, 2006.

включающее явочную челобитную, апелляционные прошения, выписки из допросов свидетелей, запечатлело, пусть скупое и формально, чувства участников конфликта. Сложность интерпретации этих документов заключается не в скудности их эмоционального наполнения, а скорее наоборот, — в многочисленных пластах эмоций, выявляемых при работе с ними: это, в первую очередь, мотивационные эмоции, вызвавшие конфликт (ненависть, вражда, злоба); эмоциональная реакция Ульяны на оскорбление (гнев, стыд, обида), а ее обидчика — на собственные действия и реакцию Ульяны (удовлетворение, гордость, злорадство). При обращении Ульяны в суд произошла трансляция реальных событий и эмоций в судебный нарратив, причем цели Ульяны в отображении случившегося могли не совпадать с целями канцелярских чиновников. Наконец, у читателя судебного дела возникают личные чувства (любопытство, сочувствие, исследовательский азарт), которые могут вести к опасной тенденции достраивания эмоционального мира людей другой эпохи нынешними представлениями. Действительно ли провинциальная помещица середины XVIII века испытывала при «бесчестьи поросенком» те эмоции, которые мы ей приписываем?

Гордость и стыд нередко называют ключевыми эмоциями социального контроля. Именно они лежали в основе понятий «честь» и «бесчестье» и определяли их огромный эмоциональный потенциал. Нормативные требования общества о чести и ее защите диктовали эмоциональную реакцию в случае ее оскорбления или утраты, конструировали поведенческие стратегии и влияли на эмоциональный климат в локальных сообществах. Хотя Россия не принадлежала к так называемым обществам «чести и стыда», Нэнси Коллманн обнаружила большое сходство в том, как функционировала честь в XVI—XVII веках в Московии и в Средиземноморских странах. И там и там от женщины «ожидалась культивация “стыда”, тогда как честь мужчины была пропорциональна его способности защитить женщин его семьи от оскорблений... Честь, следовательно, была реальной частью ресурсов семьи, ее... “символическим капиталом”» и, тем самым, орудием удовлетворения амбиций и разрешения конфликтов. Московский дискурс чести, по мнению Коллманн, подчеркивал нерушимость семьи, уважение к социальной иерархии, неприменение насилия. Особенно суровый по отношению к женщине, он объявлял смирение и послушание основой ее чести, а также предписывал полное подчинение женщины власти мужчин и жесткий контроль за ее сексуальностью¹⁴.

Если судить по делу Ульяны Псищевой, концепция чести сильно изменилась к середине XVIII века. Безусловно, честь продолжала

¹⁴ Коллманн, 52–53, 391–392.

играть роль «символического капитала» семьи, что видно из «истории с поросенком», где честь была выбрана объектом проявления вражды и ненависти. Однако этим, на наш взгляд, практически ограничивается совпадение форм работы концепции чести в раннем Новом времени и в рассматриваемый нами период, причем наиболее очевидными являются различия по отношению к женщине. Вместо безответного ожидания защиты от мужа Ульяна Пещева сама берется за восстановление своей поруганной чести, в то время как ее муж остается в тени как в момент ее унижения, так и в течение всего тридцатилетнего разбирательства по этому поводу. Узвлянная женщина демонстрирует независимость и социальную активность, тем самым дестабилизируя семью и подвергая риску свое положение в местном обществе. Ульяна «выносит сор из избы», делая публичным собственное унижение, что не приносит ей удовлетворения и даже не приводит в итоге к защите чести. Не смирение и послушание, «дававшие честь» женщинам допетровского времени, движут Ульяной, и не «культивация стыда» как проявление скромности лежит в основе ее поведения. Стыд, безусловно, играет тут важную роль, но, похоже, вследствие не скромности, а скорее противоположного чувства — гордости.

Как мы видим из прошений самой Ульяны, ее надежды на возможность защиты ее достоинства опирались прежде всего на веру в силу закона. Ульяна (или ее доверенное лицо) демонстрирует прекрасное знание законов и того, как они должны обеспечивать защиту ее чести. Вопреки нашим ожиданиям, однако, в апелляционных прошениях Ульяны цитируются, в первую очередь, не современные ей законы, а пункты из Соборного Уложения 1649 года.

Уложение, не давая точного определения чести, рассматривало две категории тяжб, относящихся к чести и бесчестью: об оскорблении чести («бесчестье») и о местничестве, то есть знатности рода и связанных с ней привилегиях. Так как местничество было отменено манифестом 1682 года, нас будет интересовать лишь первая из этих категорий. Слово «бесчестье» употребляется в Уложении в двух смыслах: как состояние человека, чья честь оскорблена, и как компенсация за оскорбление чести, причем во втором значении гораздо чаще¹⁵. Уложение также широко использует термин «обида», применяя его в первом значении слова «бесчестье»¹⁶. Оскорбление чести любого представителя элиты — боярина, боярского сына или дворянина — вело к суровому наказанию, прямо зависящему от социального положения оскорбленного. Компенсация за бесчестье в виде словесного оскорбления или легкого телесного повреждения предполагала выплату пострадавшему денежной сум-

¹⁵ ПСЗ, т. 1, Уложение, гл. I: 5; гл. X: 83—86, 136 и др.

¹⁶ Там же, гл. XIII: 4—5 и др.

мы в размере его оклада. Более серьезное телесное повреждение или ущерб имуществу требовали двойных компенсации и возмещения убытков¹⁷. Честь же женщины оберегалась еще серьезнее — замужняя женщина получала компенсацию в двойном размере относительно той, которую получил бы ее муж за подобное бесчестье, а незамужняя дочь — в четверном размере. Главным аспектом функционирования чести был ее родовой характер¹⁸.

Законодательство первой половины XVIII века не отменило актов Уложения относительно чести и бесчестья. Однако реформы Петра I, направленные на внедрение европейских норм в повседневную жизнь, кардинально изменили представления русского человека о грехе, стыде и бесчестье¹⁹. Указы 1700 года о ношении европейского платья болезненно ломали психологию женщины и ее религиозное мировосприятие, подвергая серьезному испытанию ее эмоциональный мир. Они требовали отказа от традиционного женского костюма, закрывавшего тело и волосы от посторонних взглядов и тем самым обеспечивавшего соблюдение ею приличий и оберегавшего ее от бесчестья (показ непокрытой головы даже членам своей семьи считался большим грехом) и злых духов (с помощью украшений и амулетов на груди). Традиция ранее поддерживалась и законом, запрещавшим носить платье иностранного покроя под страхом лишения социальных привилегий, а также церковными догматами, нарушителей которых ждала страшная кара — отлучение от церкви²⁰. Платья европейского покроя глубоко открывали грудь, головные уборы не прикрывали волос, к тому же женщин могло всерьез беспокоить отсутствие защиты от злых духов. В глазах многих переодевание в новомодное платье в сочетании с принудительным питьем вина и курением табака, что в допетровские времена почиталось страшным грехом (Уложение запрещало курение табака под страхом смертной казни²¹), выглядело как следование указаниям Антихриста. В результате законов 1720-х годов о старообрядцах, чьим женам и дочерям разрешалось носить платье старого образца, традиционный русский костюм с его морально-эмоциональной символикой становился знаком социальной неблагонадежности²². О яростном сопротивлении реформам Пет-

¹⁷ ПСЗ, т. 1, Уложение, гл. X: 83, 91—93, 199 и др.

¹⁸ Там же, гл. X: 99; Коллманн, 64—104.

¹⁹ Glagoleva, «Dream and Reality of Russian Young Provincial Ladies (1700—1850)», *The Carl Beck Papers* 1405 (2000), 17—19.

²⁰ ПСЗ, т. 4, № 1741, 1887; т. 1, № 607; С. Соловьев, *Публичные чтения о Петре Великом*, М.: Наука, 1984, 73.

²¹ ПСЗ, т. 1, Уложение, гл. XXV, ст. 11.

²² И. Юркин, «Старообрядец и его костюм в русском городе второй четверти XVIII в.», *Общественная и культурная жизнь центральной России в XVII—нач. XX в.*, Сб. науч. трудов, Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1999.

ра со стороны приверженцев старины хорошо известно, но нельзя забывать, что определенный психологический стресс должна была пережить каждая женщина, даже если смена нарядов была ей по вкусу. Ситуация ставила ее в противоречие с самой собой, церковью, обществом и властью. Исполнять требования было стыдно, грешно, а ослушаться — страшно и чревато наказанием. Безусловно, Ульяна Псищева, родившаяся не ранее 1730 года, принадлежала к поколению, выросшему уже в новых условиях, однако слом вековых моральных ориентиров не мог не оставить в душах людей следа, заметного и в ее время.

Указы Петра, регламентировавшие вопросы чести и бесчестья, еще больше трансформировали понятия пристойного и постыдного и связанные с ними нормы эмоциональных реакций. Честь в среде дворянского сословия все теснее связывалась с государственной службой, в которой личные чувства должны были уступить место общественному долгу. Непосредственное проявление негативных эмоций осуждалось как наносящее вред службе и сурово наказывалось. В Артикуле воинском 1716 года говорилось, что если офицер, солдат или драгун «другого бранными словами зацепит, оно го шельмом или сему подобным назовет, таковой обидящий на несколько месяцев за арест посажен имеет быть, а потом у обиженного на коленях стоя прощения просить». За применение силы — удар рукой или палкой — обидчик должен был не только претерпеть тюремное заключение с лишением жалованья и просить прощения у обиженного на коленях, но и быть готовым «от обиженного равную месть принять, или за негодного почтен», лишившись чинов. Обиженный же становился ответственным за немедленное сообщение властям о случившейся обиде (таким образом делая свое оскорбление достоянием «общественности») и в случае промедления признавался виновным наравне с обидчиком. Стремление государства регулировать эмоции людей в конфликтных ситуациях особенно ярко выразилось в петровском законодательстве о дуэлях: того, кто осмеливался немедленно реагировать на оскорбление и пытался разрешить конфликт на месте, ожидало особо жестокое наказание — за вызов офицера или рядового на поединок обиженный не только лишался «уповаемой сатисфакции», но и всех своих «чинов и достоинств, и наперед за негодного объявлен» с конфискацией части имения²³. Морской устав 1720 года вводил смертную казнь для всех участников дуэли, включая секундантов²⁴. Такое жестокое наказание было напрямую связано с настойчиво провозглашавшейся и всеми способами насаждавшейся прерога-

²³ ПСЗ, т. 5, № 3006, гл. LXIX, арт. 2—4, 8, 11.

²⁴ ПСЗ, т. 6, № 3485, кн. 5, гл. 13, п. 95.

тивной государственности на правосудие. Суровость закона в данном случае оказывалась хорошей «школой чувств»: за первую половину XVIII века в России произошли лишь единичные случаи дуэлей, и те между иностранцами²⁵. Законодательство в данном случае «срабатывало», побуждая дворян к сдержанности в выражении эмоций. Это не значит, что законы предупреждали все проявления жестокости и насилия в повседневной жизни. Случаи драк в XVIII веке известны во множестве. Однако большое количество дел о бесчестье, разбиравшихся судами, свидетельствует о том, что оскорбленные нередко действительно проявляли сдержанность и не отвечали словами или действием (в этом случае они теряли право обращаться в суд), а прибегали к помощи властей. В нашем случае Данила успешно продемонстрировал диктуемую законом сдержанность, несмотря на попытки Василия спровоцировать драку.

Принципиальным элементом петровского законодательства, менявшим отношение общества к бесчестию и оскорблению, был перенос внимания с пострадавшего на обидчика. Вместо пространственных рассуждений о компенсации оскорбленному (о чем главным образом и «беспокоилось» Уложение) петровские законы в первую очередь регулировали наказание обидчика. Более того, Артикул воинский прямо указывал, что «никакое оскорбление (каково б ни было) чести обиженного никаким образом умалить не может, понеже обидящий наказан быть имеет». А вот обидчик, если не будет наказан, будет «за негодного почтен», то есть сам станет «бесчестным». Если раньше, по Уложению, честь обиженного требовала компенсации, так как ее умаление мешало нормальному функционированию человека в своей среде, то теперь страдала честь оскорбителя, его поведение выводилось за рамки общественных норм пристойного. Именно он, оскорбитель, должен был теперь испытывать стыд и страх; именно его гордость страдала, чему способствовал акт публичного покаяния — вымаливание на коленях прощения у обиженного. При этом обиженный не должен был испытывать каких-либо неудобств, связанных с его жизнью в обществе, — любой попрекнувший его должен был понести наказание, как если бы «он сам те обиды учинил». Показательно, что, хотя слово «бесчестье» продолжает употребляться в петровских и даже послепетровских законах, его все чаще заменяют термины «обида» или «оскорбление» как тождественные «бесчестию», однако относящиеся уже только к морально-эмоциональной стороне дела. Материальная компенсация за бесчестье продолжает существовать в XVIII веке, однако утрачивает роль нормативного регулятора

²⁵ I. Reyfman, *Ritualized Violence Russian Style: The Duel in Russian Culture and Literature*, Stanford UP, 1999.

отношений, поскольку страх быть объявленным «за негодного» и, таким образом, оказаться вне общества должен был удерживать человека от недостойных поступков. Военское законодательство стремилось формировать корпоративное чувство дворянства, основой которого по-прежнему была честь, но уже не в родовом, а в более индивидуализированном варианте. В порядке поддержания в обществе позитивного эмоционального климата законодатель прямо предписывал офицерам и вообще всей армии пребывать «в неразорванной любви, миру и согласии»²⁶.

Положения воинских законов имели чрезвычайно важное значение для изменения отношения к оскорблениям и установлению правил достойного поведения во всем дворянском обществе. Введение обязательной государственной службы для дворян, а также реорганизация всей структуры общества с введением Табели о рангах (1722), ранжировавшей все разряды служилых людей (а также их жен и детей) относительно чинов в воинской службе, сделали военское законодательство универсальным для всего дворянского сословия. Диктуемые им модели поведения и эмоциональных реакций проводились в жизнь с помощью судебной практики. Мы находим многочисленные ссылки на воинские уставы и в деле Ульяны Псишевой, и в других случаях разбора конфликтов гражданских лиц дворянского происхождения²⁷.

Основной идее петровского законодательства, что человек может стать бесчестным, совершая бесчестные поступки, вторила и литература, бывшая в ходу во времена «истории с поросенком». Еще в 1737 году был издан перевод анонимной французской книги *La véritable politique des personnes de qualité*, где развивалась мысль, что для человека благородного происхождения лучше быть лишенным жизни, чем потерять честь через бесчестные или дурные поступки²⁸. Однако идеи дворянской корпоративной чести, *point d'honneur*, описанные в этом сочинении и выраженные, в первую очередь, в дуэльном кодексе, стали овладевать дворянскими массами России лишь в конце XVIII века, когда законодательство Екатерины дало дворянству большую свободу и независимость от государства и власти. Но даже и тогда честь еще не отождествлялась с сословной гордостью и служебным статусом, как, например, во времена Пушкина, и «не являлась центральной ценностью... господствующего сознания»²⁹.

²⁶ ПСЗ, т. 5, № 3006, гл. LXIX, арт. 9, 1.

²⁷ ГАОО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 737; Ф. 41. Оп. 1. Д. 1255; Ф. 43. Оп. 1. Д. 910; 1099; 1771; 1260; 2032; 2037, др.

²⁸ *Истинная политика знатных и благородных особ переведена с французского чрез Василья Тредиаковского*, СПб.: Печ. при Импо. Акад. наук, 1737.

²⁹ Е. Марасинова, *Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века (По материалам переписки)*, М.: РОССПЭН, 1999, 180—181.

В еще меньшей степени можно говорить о чувстве чести как о главной эмоции, цементирующей дворянское сословие в 1760-е годы, особенно в провинции. Похоже, что для провинциальных дворян индивидуальное благополучие было гораздо важнее сословной чести. Этому способствовали радикальные изменения в их жизни — отмена обязательной государственной службы в 1762 году и возможность выхода в отставку. Возвратившиеся в родные края еще не старые мужчины приводили в порядок родовые гнезда, налаживали хозяйство и устанавливали отношения с соседями. Указ Екатерины II от 8 июня 1764 года о засеках³⁰ взбудоражил, однако, начинавшее складываться провинциальное общество: государыня предполагала распродать всем желающим дворянам казенные земли, в первую очередь засеки бывшей оборонительной черты Московского государства, для чего всем помещикам предлагалось в годичный срок объявить о самовольно ими захваченных казенных землях. Объявившим разрешалось через год выкупить эти земли по льготным ценам; на тех же, кто утаил или искажил факты захвата, каждый мог донести и получить в награду четвертую часть захваченных обываемым земель, причем последний лишался не только этих земель и права их выкупить, но и равной по площади земли из собственного имения, а также подвергался огромному денежному штрафу. Известный мемуарист А. Т. Болотов свидетельствовал, что «сей указ, по особливости своей и по строгости предписания, произвел великое волнение и колебание умов во всем государстве... А так как таких людей, у коих земля и леса были в завладении, находилось в государстве превеликое множество, то все сии и перетревожились тем до чрезвычайности»³¹. Понятно, что эта мера существенно влияла на эмоциональный климат местных сообществ: возможность доноса со стороны соседа или даже собственного крестьянина порождала страх и подозрительность.

Весьма вероятно, что участники «истории с поросенком» собрались в тот вечер 16 августа 1764 года, то есть почти сразу после того, как указ о засеках должен был стать известен в отдаленной стороне Орловской провинции, чтобы обсудить эти новости и попытаться договориться о том, кому какие земли объявить своими, а какие декларировать как захваченные. Договориться, как видно, не удалось, и вышла совсем другая история.

Напряжение между двумя кузенами чувствовалось с момента прихода Василия в дом, где уже находились Ульяна и Данила Псишевы. В своих показаниях Ульяна подчеркивала, что Василий при-

³⁰ ПСЗ, т. 16, № 12178.

³¹ А. Болотов, *Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков*, т. 1—4, СПб., 1870—1873, 2:561.

был позже и отдельно от всех и весь вечер «поступал весьма сумасбродно». Имея с Данилой «приказные деревенские ссоры» и по «ненависти» своей к нему и Ульяне, Василий пытался втянуть Данилу в ссору. Тот, однако, не отвечал. Выйдя во двор, Василий «искал случаю» затеять ссору с людьми Данилы. Те, будучи предупреждены заранее, от ссоры уклонились. Тогда Василий направил свой удар на его жену. Как свидетельствует судебный протокол, Василий, «потом умысла и хищнически подошел с надворья к покою под окно, где она Псищева сидела, бросил на нее немало живого поросенка, которым ей большой удар учинил и при всей той компании ее обесчестил»³². «Бесчестье» Ульяны произошло на глазах компании, состоявшей из «честных людей» (т.е. дворян, благородных), что было чрезвычайно важно для нее. И тут нам настает время выяснить, кто же были эти «честные люди», без чего мы не сможем разобраться ни в пережитых ими эмоциях, ни в причинах, эти эмоции вызвавших.

Род Псищевых не отличался ни знатностью, ни богатством. Для провинциальных помещиков, однако, семья к моменту «истории с поросенком» обладала вполне надежным достатком: согласно третьей ревизии, Псищевы были собственниками 11 имений в Орловской и Курской провинциях с 266 душами мужского пола³³. У них также были имения с крестьянами в Московской и Воронежской губерниях. Поссорившиеся кузены обладали неравным состоянием и социальным положением: Данила Афанасьевич (1702 — после 1788) был премьер-майором в отставке (8-й класс по Табели о рангах) и владельцем около сотни душ мужского пола, тогда как его оппонент, Василий Осипович (ум. 1784), имел состояние примерно вдвое меньшее и более низкий, да к тому же статский, чин титулярного советника (9-й класс)³⁴. Ульяна Афанасьевна Псищева (ок. 1730 — ок. 1792) по рождению принадлежала к знаменитому роду дворян Лутовиновых, которые в середине XVIII века владели 22 имениями с 1277 крепостными мужского пола только в черноземной полосе России и чувствовали себя настоящими хозяевами края³⁵. Одна эта «лутовиновская кровь», делавшая ее обладателей «необузданными и полновластными барами»³⁶, ставила

³² ГАОО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 3. Л. 32.

³³ С. Черников, *Дворянские имения Центрально-Черноземного региона России в первой половине XVIII в.*, Рязань, 2003, 297.

³⁴ ГАОО. Ф. 847. Оп. 1. Д. 110. Л. 1—1 об.; Ф. 6. Оп. 1. Д. 1528. Л. 4—4 об., 11; Ф. 760. Оп. 1. Д. 5. Л. 3—42, 79—86 об.; Д. 114. Л. 145; Д. 125. Л. 382—382 об., 387—387 об.; Д. 235. Л. 116—118 об.

³⁵ Черников, 278; Н. Чернов, *Дворянские гнезда вокруг Тургенева*, Тула: ИПШ «Гриф и К», 2003, 90—111.

³⁶ В. Житова, *Воспоминания о семье И. С. Тургенева*, Тульское кн. изд-во, 1961, 21.

Ульяну в особое положение в местном обществе. Если же принять во внимание низкое социальное положение («подьяческий сын») хозяина дома, в котором произошло «бесчестье» Ульяны, а также невысокие чины и несолидное состояние остальных членов компании (подпоручик, прапорщик и жена вахмистра³⁷), то можно представить себе, что Ульяна, будучи одновременно Лутовиновой и премьер-майоршей, чувствовала себя гранд-дамой общества. Тем большее было оскорбление от небогатого и нечиновного родственника.

Чин премьер-майорши означал немало не только для свидетелей «бесчестья» Ульяны, но и вообще в среде провинциальных дворян 1760-х годов. Северо-западная часть Орловской провинции, где жили участники «истории с поросенком», то есть территория между небольшими в ту пору городами Орлом и Карачевом (ныне в Брянской области), относившаяся к Карачевскому, Орловскому и Болховскому уездам, была покрыта дремучими лесами и непроходимыми болотами, оставлявшими мало места для земледелия. Лучшими землями владели десять богатейших семейств России — Голицыны, Шереметевы, Каменские и др. Однако половину пахотной земли со времен южной оборонительной черты занимали однодворцы. Их незначительные клочки земли перемежались с дворянскими имениями, что создавало большие проблемы в регионе. То немногое, что оставалось от богатейших и беднейших землевладельцев, приходилось на долю «обыкновенных» помещиков, которым принадлежало по 200—250 десятин земли с 30—50 крепостными³⁸. Данила Псищев со своей сотней душ выглядел на этом фоне довольно респектабельно.

Именно малодостаточные помещики и составляли уездное дворянское общество. Об этом мы имеем прямое свидетельство в наказах дворян в Уложенную комиссию 1767—1768 годов, то есть всего через 3 года после описываемых событий. Для участия в выборах и составлении наказов дворяне обязаны были проживать на территории уезда, что редко имело место в случае богатейших землевладельцев. Дворяне, находившиеся на действительной службе вдали от дома, реального участия ни в голосовании, ни в составлении наказов не принимали. Поэтому количество дворян, подписавших указы, примерно совпадало с количеством действительно живших в тех местах помещиков. Можно с достаточной уверенностью предположить, что те 18 и 19 дворян, что подписали указы

³⁷ ГАОО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 3. Л. 1, 3, 32 об.; Черников, 304—307; РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 419. Л. 912 об.; РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 3836. Л. 52 об.; Д. 517. Л. 49 об.

³⁸ М. Лавицкая, *Орловское потомственное дворянство*, Орел: Внешние воды, 2005, 35—36.

от Карачевского и Орловского уездов, представляя в дворянских собраниях свои семьи, и были тем обществом, в котором вращались наши Псищевы. Это подтверждается и архивными документами, где их имена упоминаются чаще других в сделках купли-продажи и мелких тяжбах, решавшихся на месте. Если проанализировать социальное положение представителей провинциальной «элиты» по их чинам, то мы обнаружим, что местное общество не блистало выдающимися успехами: высшим чином среди подписавших карачевский наказ был секунд-майор, а наиболее ответственные посты дворянского предводителя и депутата, куда обычно избирали самых уважаемых (читай, богатейших и влиятельнейших) членов местного дворянского сообщества, занимали два капитана³⁹. Таким образом, супруги Псищевы с их премьер-майорским чином были и в этом отношении выше своих соседей и знакомых, что не могло не порождать в них чувство гордости.

Судя по наказам, жизнь дворян Карачевского и Орловского уездов не была окрашена в счастливые тона всеобщего благополучия. Читателю наказов передаются беспокойство, неуверенность и даже страх, испытываемые помещиками в своих имениях, что, казалось бы, подтверждает мрачные характеристики времени и нравов, которые мы находим у позднейших исследователей. Однако можно усомниться в полноте рисуемой наказами картины: их авторы стремились осветить прежде всего «неправильные» стороны местной жизни в надежде, что верховная власть найдет средство улучшить положение вещей.

Карачевские дворяне писали о недостатке пахотной земли и частых неурожаях. Они просили переместить дальше на юг однодворцев, чье присутствие больше не требовалось для защиты государства, а освобожденные таким образом земли передать им, что позволило бы им лучше обеспечить себя и своих крестьян. Дворяне Орловского уезда писали в своем наказе, что права землевладения постоянно нарушаются и более богатые и сильные соседи «ту землю у прямых владельцев насильно отнимают, а их грабят, бьют и до смерти убивают, и от того возрождаются великие дела и по них доводят себя до разорения»⁴⁰. Подобные обстоятельства не способствовали возникновению у местных дворян чувства единства, словной чести и уверенности в будущем.

Своеобразную картину отношения некоторой части провинциальных дворян 1760—1770-х годов к вопросам чести и бесчестья мы

³⁹ Сборник Императорского Русского Исторического Общества 68 (1889), 528—534. Данилы нет среди подписавших наказ; скорее всего, он не участвовал в кампании в силу пожилого возраста (65 лет).

⁴⁰ Имеется в виду, что тем самым порождаются длительные судебные разбирательства, приводящие судящихся к разорению; там же, 507.

находим в сочинениях Фонвизина и Новикова. Помня о сатирической заостренности пера этих писателей, следует, конечно же, учитывать пародийность изображения, но она говорит и о широком распространении подобных явлений. В письме уездного дворянина к сыну Фалалею, опубликованном в журнале *Живописец* за 1775 год, отец советует сыну выйти в отставку, так как «за честью, свет, не угоняешься; честь! честь! худая честь, коли нечего будет есть». Свои советы отец подкрепляет примерами из старины и жалобами на «несправедливости» наступившей жизни: «Дали вольность, а ничего не можно своею волею сделать; нельзя у соседа и земли отнять: в старину-то побольше было нам вольности. Бывало, отхватишь у соседа земли целое поле; так ходи же он да проси, так еще десять полей потеряет... был бы только ум да знал бы приказные дела, так соседи и не куркай. То-то было житье!»⁴¹

В комедии Фонвизина *Бригадир* (1768) провинциальные дворяне также трактуют понятия чести и бесчестья в наиболее «удобном» для них варианте:

Сын. Батюшка! я такой сын, по которому свет узнает вас больше, нежели по вашем бригадирстве! Вы, monsieur (к Добролюбову), конечно, знаете сами много детей, которые делают честь своим отцам.

Добролюбов. А еще больше таких, которые им делают бесчестье. Правда и то, что всему причиной воспитание...

Советник. Нет, сударь мой; я знаю, что с сыном вашим делать. Он меня обесчестил; а сколько мне бесчестья положено по указам, об этом я ведаю.

Бригадирша. Как! Нам платить бесчестье! Попомни бога, за что?

Советник. За то, моя матушка, что мне всего дороже честь... Я все денежки, определенные мне по чину, возьму с него и не уступлю ни полушки⁴².

Эта мысль о бесчестье в его прямом (и единственном) материальном выражении высказана еще ярче в письме из провинции, обращенном прямо к автору *Живописца*:

... хотя ты меня и обидел, однакож я суда с тобою заводить не хочу, ежели ты разделаешься со мною добрым порядком и так, как водится между честными людьми. Сделаем мировую; заплати только мне да жене моей бесчестье, что надлежит по законам; а буде

⁴¹ Н. Новиков, *Живописец*, 1775, ч. X—XI, с. 121—124.

⁴² Д. Фонвизин, *Бригадир*, д. 4, явл. VI и д. 5, явл. IV.

не так, то по суду взыщу с тебя все до копейки. Мне заплатишь бесчестье по моему чину, жене моей вдвое, трем сыновьям недорослям в полы против моего жалования, четырем дочерям моим девицам вчетверо каждой, а к тому времени авось-либо бог опростает мою жену, и родит дочь, так еще и пятой заплатишь. Видишь ли, что я с тобою поступаю по-христиански, как довлеет честному и доброму человеку. Смотри, не испорть этого сам и не разори себя. К эдаким тяжбам мне уже не привыкать; я многих молодчиков отбрил так, что одним моим, жены моей и дочерей бесчестьем накопил трем дочерям довольное приданое. Что ж делать живучи в деревне отставному человеку? чем-нибудь надобно промышлять⁴³.

Приводя эти примеры, мы не хотим сказать, что практика использования оскорбления чести в корыстных целях не существовала в допетровские времена. Но не подлежит сомнению, что, перенеся акцент в ситуациях бесчестья с оскорбленного на оскорбителя, новое законодательство расшатывало границы пристойного и меняло отношение общества к постыдному. Стыд больше не выполнял функцию стимулятора восстановления чести и тем самым как бы вообще исключался из спектра нормативных эмоциональных реакций оскорбленного. В то же время материальная компенсация, служившая ранее средством возмещения потерь, связанных с постыдностью положения оскорбленного и потенциальной утратой репутации как им самим, так и его родом, продолжала сохраняться в законодательных актах и судебной практике. Все это придавало совершенно иную морально-эмоциональную окраску ситуации бесчестья, в которой материальная компенсация приобретала статус чуть ли не награды за оскорбление. Конечно, эмоциональные реакции людей не всегда соответствовали предписываемым нормам, и многие оскорбленные по-прежнему испытывали стыд и страх потери репутации. Однако состояние бесчестья, считавшееся ранее сравнимым со смертью, теперь выводилось в разряд эмоционально нейтральных, становясь не только пристойным, но и приобретая некоторую привлекательность.

В этом контексте вполне уместно предположить, что Ульяна Псищева руководствовалась не только гневом и стыдом, обращаясь в суд за восстановлением поруганной чести. Согласно законам она могла рассчитывать на выплату ей двойного оклада ее мужа-майора, то есть суммы в тысячу рублей или более, что дало бы ей возможность приобрести небольшую деревню с крестьянами. Так что челобитная в суд о бесчестье могла иметь и весьма прагматическую мотивацию, сродни изображенной сатириками. Однако

⁴³ Новиков, ч. XIV, с. 130—131.

такого рода мотивы, если они и были у Ульяны, меняют свою эмоциональную окраску в контексте истории отношений между ее мужем и его двоюродным братом: желание наказать обидчика было вызвано скорее всего не корыстью, а многолетней ненавистью и обидами, существовавшими в семье, а также гневом и желанием мщения, вспыхнувшими в момент оскорбления. Правомерность такого прочтения эмоциональной реакции Ульяны подтверждается указанием в челобитной на ненависть как мотивационную эмоцию Василия и на «приказные деревенские ссоры», то есть тяжбы. Ко времени «истории с поросенком» в семье было, по крайней мере, две незаконченные тяжбы, напрямую касавшиеся Данилы и Василия. Вот вкратце их суть.

Земли в Карачевском уезде, полученные за службу прапрапрадедом Данилы и Василия Гаврилой Псищевым в 1645 году, достались по наследству их деду Даниле и его двоюродному брату Самойле. Когда Самойла умер в 1692 году, не оставив сына, его часть вотчинных земель, за вычетом прожитков его вдове и дочери, должна была быть поделена поровну между сыновьями Данилы Афанасием и Осипом (отцами наших героев Данилы и Василия). Осип, однако, подал челобитную в Поместный приказ с просьбой спривать все земли с принадлежавшими к ним крестьянами за ним, утаив, что у него есть брат. Тогда же все наследство было зарегистрировано за ним, но он его фактически не получил, так как земля осталась «в насильном владении» у вдовы и дочери Самойлы. Афанасий, узнав об обмане, подал жалобу в Поместный приказ, но начавшееся разбирательство велось так неспешно, что он умер, не дождавшись решения. Когда же в 1745 году умер и Осип, его вдова Дарья и сын Василий (*наш Василий*) подали челобитную о вступлении в наследство, опять-таки скрыв, что не вся собственность принадлежит им по праву. Наследство было зарегистрировано за ними, в том числе и часть Самойлы, которой должны были владеть Данила и его братья. Узнав об этом, Данила с братьями заявили протест. Прошло пять лет, однако ответа так и не последовало. Тогда Данила и его брат Александр написали прошение на имя Елизаветы. В нем они гневно обвиняли своего дядю Осипа и его сына Василия в подаче ложных челобитных, утверждали, что Василий и его мать завладели землей и крестьянами незаконно, и с горечью жаловались, что их, законных наследников, силой лишают права на положенную им часть наследства⁴⁴. Дело дошло до Сената, но к 1764 году так и не было решено.

Спорное имущество, о котором 50 с лишним лет велась тяжба, состояло к этому моменту всего лишь из небольшого участка зем-

⁴⁴ РГАДА. Ф. 1209, Дела молодых лет по г. Карачеву. Д. 8/9218. Л. 386—387 об., 402 об.

ли и двух крестьян с семьями, но вопрос о его принадлежности вставал с новой силой каждый день. Кузены жили в одной деревне, Семеновке Псищевой Карачевского уезда, где их земли, включая спорные, были в чересполосном владении. Ситуация обострялась еще и тем, что пока крестьяне были в «насильном владении» у вдовы и дочери Самойлы, последние женили и выдавали их замуж за своих крестьян. Родившиеся от этих браков дети вообще неизвестно кому принадлежали по закону. Все это не могло не вызывать постоянных эмоциональных взрывов.

Однако ярость и отчаяние Данилы и Александра, проявившиеся в их прошении на имя императрицы («... а нас показанных... до того владения недопускают...»), связаны не только и не столько с тем, что их лишили собственности. Их права нарушались в течение десятилетий, и все их попытки восстановить законное владение оканчивались неудачей. Знать, что их отец был обманут собственным братом и умер, так и не отстояв своей чести и прав семьи; пережить спустя полвека тот же обман, сопровождаемый ложными челобитными, от своего двоюродного брата и опять-таки быть не в состоянии что-либо сделать — все это должно было ущемлять гордость и честь Данилы и Александра. В 1764 году оба брата, майор и полковник в отставке, со связями в высшем свете (сын Александра служил пажом при дворе), не могли справиться с более бедным родственником, что, безусловно, вызывало в них приступы злости. Их противник, Василий, служа в местных канцеляриях, был, по-видимому, более сведущ в местных делах, что и позволяло ему долго и безнаказанно удерживать чужую собственность (со всем как изображенные сатириками сутяги).

Не стоит, однако, представлять Данилу как невинную жертву коварства Василия и его отца. Сам Данила не раз демонстрировал свою способность ущемлять права родственников. В том же 1750 году, когда они с братом жаловались императрице на Василия, между ними самими вспыхнула ссора, переросшая в длительную тяжбу. Поводом было все то же наследство их двоюродного деда: братья не смогли договориться между собой о разделе этой спорной собственности — поистине шкуры неубитого медведя⁴⁵. В 1760 году возникла новая семейная ссора: Мария Псищева, мать тех же братьев, решила разделить имение их умершего отца поровну между ними. Однако два года спустя она потребовала передела, поскольку Данила забрал больше крестьян, чем ему полагалось. Мать вскоре умерла, не дождавшись решения суда, но братья и в этот раз не сумели договориться. После смерти Александра в 1772 году Данила участвовал в оспаривании его наследства. Тогда же вновь

⁴⁵ ГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1528. Л. 6 об.

всплыл вопрос о неправомерном завладении частью собственности Василием⁴⁶.

Как видим, у Данилы и Василия были основания для взаимной ненависти. Ущемленные права собственности, ежедневная неразбериха с крестьянами, длящееся десятилетиями оскорбление чести — все это было поводом для вспышек самых бурных эмоций, среди которых «бесчестье поросенком» должно было стать лишь одним из звеньев в бесконечной цепи взаимных обид. Почему же, однако, Данила так старательно избегал ссоры в тот вечер 16 августа 1764 года, а Василий, не добившись своего, решил оскорбить его жену?

Как уже говорилось, бесчестье жены накладывало пятно на репутацию всей семьи и часто использовалось в качестве средства унижить мужа. Очевидно, что Василий этого и добивался, о чем прямо говорится в челобитной Ульяны. Из судебного дела становится также ясно, что оба противника прекрасно понимали возможные последствия своего поведения, предусмотренные в действующем законодательстве. Выступая истцом в тяжбе о наследстве, Данила должен был проявлять сдержанность и не отвечать на оскорбления, чтобы Василий не мог использовать его эмоциональный порыв как доказательство «недружбы и ссоры», то есть формальный повод к отклонению иска. Ульяна же не имела прямого отношения к этой тяжбе, так как по закону 1753 года супруги получили право владеть своим имуществом независимо друг от друга. Оскорбление Ульяны не могло повлиять на ход тяжбы между кузенами, но оно явно имело своей целью вызвать ответную реакцию Данилы. Когда же, к неудовольствию Василия, тот не вступился за жену, Василий тут же извинился перед ней, пытаясь таким образом избежать судебных действий с ее стороны. Он надеялся, что Ульяна примет извинения и инцидент будет исчерпан. В результате Василий испытал бы удовлетворение от оскорбления жены противника, не осложнив своей тяжбы с ним и не понеся никакого наказания. Вполне вероятно, что Василий надеялся, что его провокация приведет не только к бесчестью Данилы, но и поможет ему выиграть их давний имущественный спор. Эти коварные планы почти воплотились в жизнь.

Орудие бесчестья — «немалый живой поросенок» — должно было серьезно повлиять на степень оскорбления дамы благодаря богатым ассоциациям, связанным с образом свиньи в русской культуре. Трудно найти другое животное, символический образ которого включал бы в себя столько негативных, оскорбительных черт. Простое помещение слова «свинья» рядом с чьим-либо именем

⁴⁶ ГАОО. Ф. 760. Оп. 1. Д. 5. Л. 39—42; Д. 1528.

могло испортить человеку репутацию, а уж удар поросенком был для столбовой дворянки нестерпимым унижением⁴⁷. Нет никаких сомнений, что весть о «бесчестье» Ульяны быстро распространилась и чета Псищевых надолго превратилась в посмешище всей округи. Ульяна, с ее «лутовиновской кровью» и чувством превосходства по отношению к местному обществу, была, вероятно, в ярости.

Суд состоялся через год, но решения не вынес, так как Василий отвел свидетелей как близких родственников Ульяны. Она подала апелляцию, но он сделал все возможное, чтобы дело застряло в недрах судебной машины. Только через 20 лет оно было «дорасследовано», и новый суд принял в 1784 году решение: признать Ульяну... *виновной*. На основании статьи Уложения за *ложные обвинения* суд приговорил ее к выплате Василию за «бесчестье» компенсации в размере 714 руб. 12 коп., а также 75 руб. 22 коп. судебных издержек⁴⁸.

Нетрудно себе представить, сколько негодования, отчаяния и слез вызвал у Ульяны столь несправедливый приговор. Вторично оскорбленная, она отказалась признать решение суда, которое было, по ее словам, «противно всем правилам законным». В апелляционном прошении она настаивала, приводя тому веские доказательства, что суд действовал в пользу Василия благодаря его личным контактам с судебными чиновниками. Подписав «неудовольствие», Ульяна заплатила 25 руб. за перенос дела в более высокую инстанцию, но и там вердикт получил подтверждение. Тогда она подписала еще одно «неудовольствие» и заплатила теперь уже 100 руб. (сумму, достаточную для покупки крестьянской семьи) за перенос дела в губернский суд и написала прямо на имя императрицы прошение, где излагала все обстоятельства ее бесчестья и последовавших за ним издевательств со стороны местных властей. Должно было пройти еще 4 года, прежде чем обвинительный приговор Ульяне был наконец отменен по факту процессуальных нарушений. Суд 1788 года постановил произвести еще одно расследование, собрать новые свидетельские показания, а дело между тем «числить в числе решенных» до поступления новых улик. Таким образом, после 24 лет разбирательств Ульяна не только не отомстила обидчику, но даже и не отстояла своего доброго имени.

Следующей записью в журнале суда явилось прошение от 1792 года невестки Ульяны, Прасковьи Псищевой, которая уна-

⁴⁷ См. юридические подробности дела в моей статье: «Woman's Honour, or The Story with a Pig: The Animal in Every day Life in the Eighteenth-century Russian Provinces», Other Animals. Beyond the Human in Russian Culture and History, eds. J. Costlon, A. Nelson, Pittsburgh UP, 2010.

⁴⁸ ГАОО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 3. Л. 32 об.

следовала тяжбу. Она заявляла, что поскольку истица, ее муж Данила, их сын (а ее муж) Алексей, ответчик Василий, его жена и двое их сыновей уже умерли, то она «в этом деле не истица» и просит его закрыть. Прасковья, возможно, и вообще не беспокоилась бы о давно забытом споре, однако она имела свои соображения: в прошении она настаивала на возвращении ей, как наследнице, апелляционных денег, выплаченных когда-то Ульяной (125 руб.), с которой было все-таки снято обвинение в ложном иске. Кроме того, Прасковья просила снять с имени Василия запрещение, наложенное в ходе следствия, для продажи его с аукциона, чтобы она, Прасковья, могла восстановить деньги, которые ей задолжали по векселям сыновья Василия. Рассмотрев прошение, Орловская палата гражданского суда постановила 31 мая 1792 года вернуть Прасковье апелляционные деньги, снять запрещение с имени Василия и окончательно закрыть тридцатилетнее дело о бесчестье. Так бесславно закончилась эта длительная попытка провинциальной дворянки отстоять свое оскорбленное достоинство. Вместо восстановленной чести семьи ее наследница удовлетворилась небольшой денежной суммой.

Как видно из дела Ульяны Псищевой и других разбирательств, связанных с честью, власти на местах не слишком спешили удовлетворять подобные иски. Бесчестье и обида женщин и в последней четверти века по-прежнему нередко являлись основанием для возбуждения судебных расследований. Однако реальная практика все чаще убеждала в малоперспективности таких исков. Нередко оскорбленные жертвы вынуждены были идти на соглашение с обидчиком, либо боясь потерять состояние из-за широко распространенной судебной волокиты, либо уступая давлению более могущественного или просто более «включенного в систему» противника⁴⁹. В семье Псищевых за эти годы было еще по крайней мере два судебных разбирательства о бесчестье, оставшихся без решений⁵⁰.

Примечательно, что в приговорах судов о бесчестье конца XVIII века даже в случае осуждения виновного речь уже больше не идет о выплате денежной компенсации. Осуждение обидчика начинает восприниматься обществом как достаточная степень восстановления справедливости. Кроме заметного уменьшения количества тяжб в результате прекращения выплат «бесчестья», столь осмеянных сатириками, изменение форм «работы» концепции бесчестья имело и другие последствия. Невозможность добиться справедливости в суде вызывала у некоторой части дворянства желание

⁴⁹ ГАОО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 737; Ф. 41. Оп. 1. Д. 1255; Ф. 43. Оп. 1. Д. 910, 1099, 1771, 1260, 2032, 2037 и др.

⁵⁰ ГАОО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 60, 182; Ф. 19. Оп. 1. Д. 508.

взять дело защиты чести в свои руки. Либеральная политика Екатерины II по отношению к дворянству и в еще большей степени культ рыцарства и кодекс чести в западном варианте, развившиеся при Павле I, привели к широкому распространению дуэльной практики в России на рубеже XVIII—XIX веков. Перемены в концепции чести, бесчестья и обиды в дворянской среде воздействовали, в свою очередь, на эмоциональные нормы и эмоциональный опыт дворян. Не подлежит сомнению, что в пушкинские времена муж-офицер немедленно вызвал бы обидчика Ульяны на дуэль. Дуэль позволяла уладить конфликт быстро и без огласки, давая немедленный выход эмоциям оскорбленного (или защитника чести женщины) через слова и действия, предписываемые ритуалом. Подобная реакция не только не осуждалась, но и всячески одобрялась обществом, став моделью единственно достойного поведения и сделав абсолютно неприемлемой материальную компенсацию за унижение чести (предложение таковой стало бы еще большим оскорблением чести). В среде же провинциального дворянства 1760-х годов дуэль была еще неслыханным делом. Суровость закона, отсутствие дуэльной традиции и материальные соображения, связанные с сохранившимся законодательством и практикой компенсаций, диктовали подавление эмоциональных порывов и обуславливали обращение за защитой к властям.

В XVIII веке бесчестье как эмоциональное и социальное состояние продолжало выполнять роль регулятора социальных отношений. Как и в более ранние времена, эмоциональное состояние противника нередко использовалось конфликтующими сторонами для достижения перевеса. Это прекрасно продемонстрировал Василий Псищев, пытаясь сыграть на давней ненависти к нему Данилы. Не добившись взрыва эмоций в ответ на провокацию, Василий оскорбил жену противника, опять-таки толкая Данилу на эмоциональную реакцию в ожидании тех же последствий. И, наконец, используя свои связи в чиновных кругах и бесчестье супругов Псищевых, чреватое для них утратой уважения в своем сообществе, Василий добился обвинительного приговора Ульяне и присуждения выплаты «бесчестия» ему, тем самым еще более ущемив гордость своих оппонентов. Слом традиционных моральных норм обусловил допустимость подобных стратегий в сознании значительной части провинциального дворянства.

Политика государства, направленная на конструирование и регламентирование поведения граждан и их эмоциональных реакций с помощью законов и судебной практики, не отличалась последовательностью. С одной стороны, правительство навязывало обществу эмоциональный климат, основанный на чести, любви,

добрососедстве, а также вере в закон и отеческую (материнскую) заботу монарха; с другой стороны, рядом практических мер в экономической и законодательной сферах и мелочным вмешательством в частную жизнь оно стимулировало противоположные модели эмоционального поведения и ущемляло эмоциональную свободу граждан, способствуя тем самым сохранению зависимости дворян от государства.

Тем не менее, разбирая действия героев нашей истории, мы увидели, что моральные нормы и модели эмоциональных реакций, предписываемые государством в конфликтных ситуациях, были, несмотря на некоторую их противоречивость, усвоены тем провинциальным сообществом, к которому принадлежала Ульяна Псищева. На примере изменений в функционировании концепций стыда, чести, бесчестья и обиды в русском обществе XVIII века можно говорить о серьезных переменах в эмоциональном мире дворянства. Случаи взаимного оскорбления, рассмотренные здесь, свидетельствуют, конечно же, о довольно низком уровне нравов провинциальных дворян, однако не стоит спешить обвинять этих людей в дикости и аморальности. Существовавшее законодательство о земле и сложившаяся практика наследования собственности порождали ошутимое социальное напряжение; несовершенная судебная система и отсутствие дееспособных органов власти на местах не позволяли быстро решать неизбежно возникавшие конфликты, что вело к многолетним тяжбам, разорению тяжущихся сторон и новым конфликтам. Осознание настоятельной потребности в судебной реформе, выраженное в большинстве дворянских наказов в Уложенную комиссию 1767—1768 годов, говорит о желании дворян искоренить «дикие» стороны провинциальной жизни.

Мы разобрали здесь примеры только негативных эмоций, сопутствующих конфликтам, но даже в них видно, как провинциальные Простаковы и Митрофанушки проявляют порой неожиданную сдержанность и веру в закон, ищут возможного разрешения конфликта мирным путем, то есть выказывают качества и чувства, достойные граждан любого общества. Если внимательно посмотреть на проявления других эмоций в других, неконфликтных ситуациях, то в среде провинциального дворянства XVIII века мы обнаружим и нежную любовь, и трогательную заботу о детях и родителях, и знаки благородства и душевной красоты⁵¹. Взрывы негативных

⁵¹ Подробнее см. мои работы: Глаголева, «Горькие плоды Просвещения: Три женских портрета XVIII века», *Социальная история. Ежегодник 2003: Женская и гендерная история*, М.: РОССПЭН, 2003; «Жизнь в русской провинции в середине XVIII века (по материалам дворянских наказов Уложенной Комиссии 1767—1768 гг.)», *Вестник Томского гос. ун-та* 22 (2006); Glagoleva, «Dream and Reality».

эмоций у провинциальных дворян XVIII века являлись вполне естественной реакцией людей на проблемы, возникавшие в их жизни, а вовсе не проявлением «чувства ущербности» перед Западом или «неотмщенной обиды». Эмоциональный мир провинциальных дворян XVIII века был отражением их жизни, такой же непростой и разнообразной, как и жизнь современных людей.

olga.glagoleva@utoronto.ca

[Faint, illegible text, likely bleed-through from the reverse side of the page.]

[Faint, illegible text, likely bleed-through from the reverse side of the page.]

[Faint, illegible text, likely bleed-through from the reverse side of the page.]